

УДК 070(091)
ББК 76.003

ФОРМЫ ПРОПАГАНДЫ ИДЕИ КОНСЕРВАТИВНОГО РАЗВИТИЯ В «РУССКОМ ВЕСТНИКЕ»

Т.В. Назарова

В статье анализируются публицистические и литературно-критические статьи редактора «Русского вестника» М.Н. Каткова и ряда других сотрудников. Уточняются представления о политическом направлении журнала «Русский вестник», теоретико-литературной концепции и литературно-критической политике издания. Продемонстрированы формы пропаганды идеи консервативного развития в публицистике и литературной критике журнала.

Ключевые слова: консерватизм, реформы, роль дворянства, отношения власти и народа, менталитет.

Публикация материалов, доказывающих необходимость реформ, началась в основанном М.Н. Катковым в 1856 году «Русском вестнике» еще до официального разрешения обсуждения преобразований в печати. Редактор руководствовался тем, что в манифесте Александра II об окончании Крымской войны, обнародованном 19 марта 1856 года, декларировалась необходимость «совершенствования внутреннего благоустройства», а 30 марта в речи перед московскими предводителями дворянства император подтвердил и конкретизировал свои намерения. Проблемы освобождения крестьян, преобразований местного управления, финансово-экономической, судебной, образовательной систем, реформы армии в журнале разрабатывали Д.А. Милютин, Н.Х. Бунге, Н.А. Любимов, П.Н. Кудрявцев, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, П.К. Щербальский, И.К. Бабст, И.В. Вернадский, В.П. Безобразов, К.П. Победоносцев с экономической, политической, нравственной точек зрения. Для сбора данных о положении дел в 1858 году были организованы специальные отделы: «Крестьянский вопрос» и «Нужды и желания промышленности». Для публикации в журнале отбирались литературные произведения, соответствующие проводимой

Катковым политике. Это были «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, произведения П.И. Мельникова-Печерского, Марко Вовчок, С.Т. Славутинского¹.

На этом основании, как установил Л.М. Макушин, читатели в конце 1850-х годов воспринимали «Русский вестник» как либеральное издание. Он приводит свидетельство одного из корреспондентов герценовского «Колокола»: «Масса университетской молодежи добродушно смешивала “Русский вестник”, орган московских профессоров и их друзей, с “Полярной звездой” и “Колоколом”, думая, что первый говорит цензурно то же, что второй без цензуры... “Русский вестник” начал с того же, что и “Колокол” – с обличения... На разницу в статьях теоретического характера первое время не обращали внимания» [31, с. 71].

Свой проект крестьянской реформы – освобождение крестьян с землей, но за выкуп, отмена крестьянской общины, мешающей, по убеждению Каткова, развитию мелких фермерских хозяйств, расширение прав мелких собственников при безусловном сохранении помещичьего землевладения и самодержавного строя – редактор-издатель «Русского вестника» действительно обнародовал не сразу². Реформаторские планы Каткова складывались постепенно на основе детального изучения опыта западноевропейских стран. Поэтому до сих пор распрос-

транено мнение о Каткове как о либерале, перешедшем в стан охранителей [31, с. 74]. Более справедливым представляется замечание С.В. Лебедева: «Он представлял собой редкий среди русских интеллигентов тип человека, который никогда не “сменял вех”, “не сжигал того, чему поклонялся”, и “не поклонялся тому, что сжигал”. Катков был за те реформы, что укрепляли государство и самодержавие. Но, как только нововведения начинали вредить территориальной целостности империи, Катков и его “партия” требовали принятия решительных мер для пресечения ненужных новшеств» [27, с. 74]. Программа реформ, складывающаяся в изданиях Каткова, в качестве основного изначально включала пункт: реформы должны идти постепенно, с учетом интересов всех сторон, без социальных потрясений.

Катков не был сторонником насильственных мер по отношению к оппозиции (исключая ситуации вооруженного восстания или беспорядков)³. В его представлении легитимность власти монарха обусловлена желанием подданных подчиняться, и он последовательно стремился обосновать причины, по которым это подчинение необходимо. Пропаганда органичности веры в святость традиций декларативно им осуществлялась позже в передовицах «Московских ведомостей»⁴, в журнале он использовал более мягкие формы – просвещения, убеждения, внушения, приобщения аудитории к традициям национальной духовной культуры, апеллируя не только к разуму, но к чувствам читателя.

Отнюдь не литературными интересами продиктована публикация его статьи «Пушкин» в первых двух номерах только что основанного «Русского вестника». Она была ответом на резонансные статьи о Пушкине Н.Г. Чернышевского, появившиеся в 1855 году во второй, третьей, седьмой и восьмой книжках «Современника». Рассуждения Чернышевского об отсутствии глубокого содержания в произведениях Пушкина, «мнимой поэтичности» были вызваны стремлением доказать историческую исчерпанность дворянской литературы, главой которой поэт считался, ее практическую неприменимость к ближайшим и наиболее важным интересам дня и обосновать принципиально иные пути литературного

развития. Характер интерпретации творчества Пушкина в статьях Чернышевского был обусловлен спецификой функционирования критики в издании, имевшем программу изучения социально-экономических отношений и пробуждения политической активности широких народных масс. Важнейшими факторами интерпретации творчества Пушкина были представления о его восприятии массовым читателем, понимание роли литературы и программа ее развития, связанная с усилением социально ориентирующей функции.

Программная заданность отношения к действительности новой литературы, связанная с регламентацией предмета изображения, основных типов героев, мотивировок (социологических и социально-психологических детерминант), влекла за собой постановку вопроса об «исчерпанности» творчества Пушкина. Герои его произведений подвергались интерпретации с точки зрения идеала «деятели» в соответствии с оценкой роли дворянства в общественном развитии. Активизация социально ориентирующей функции литературы прогнозировалась как рационализация художественного мышления, обязательное присутствие в художественных произведениях «сознательной тенденциозности», идеала. На этом основании отрицалось значение творчества Пушкина, как не имеющее идейной целеустремленности, не создавшее «направления» в умственном развитии общества⁵.

Цель ответной статьи Каткова – указать на обязательность преемственности в развитии русской литературы, доказать, что изучение традиций и следование им – единственно возможный путь прогресса и общественного сознания, и искусства как формы его выражения, и общества в целом. Сформулированная в этой статье концепция «цельности» художественного мышления, опровергающая утилитарные представления о назначении искусства, в дальнейшем стала эстетическим основанием литературной критики «Русского вестника». В обосновании специфики социальной роли искусства содержались идеи, ставшие программными для всей журнальной политики. Во-первых, в статье утверждалось, что общественное сознание в России уже развивается самостоятельно, не копируя западные идеи, и «представляет собой уже живое

развитие, уже сложившийся организм» [16, с. 96]. Позже на этом основании будет доказываться, что России чужды европейские революционные веяния⁶.

Во-вторых, сформулировано положение об уже «обозначившейся системе» с «внутренней связью в ее явлениях», где новые направления «возникают по закону этой внутренней связи» и каждый элемент системы необходим. Опираясь на литературный материал, автор доказывает существование взаимосвязей кажущихся далекими составляющих культуры. Он подчеркивает взаимообусловленность «истинного образования» и развития «эстетического чувства», прослеживает влияние «очеловечивающего» воздействия искусства в «успехах гражданственности» и «благородства общественных отношений». Демонстрируя механизм функционирования литературы как целостной системы и части системы общественной жизни, Катков указывает на нравственное влияние любого, на первый взгляд, самого незначительного лирического стихотворения. Цель экскурсов в историю литературы – убедить читателя в живом современном значении дворянского искусства, в невозможности отказа хотя бы от одного элемента исторически сложившейся системы без разрушения системы в целом. Впоследствии, оперируя фактами общественной жизни, Катков будет пытаться создать концепцию, объединяющую нацию и государство, снимающую конфликтность между властью и подданными, между сословиями и народностями⁷. В этой связи становится понятен особый интерес Каткова к английским общественно-политическим институтам. Ему был важен опыт консервативного государственного развития, позволяющий сохранить все ценное и обеспечить в современности жизнь традициям.

В-третьих, уже в этой статье обозначились контуры полемики с «Современником». Пока, не называя имен, редактор «Русского вестника» предупреждает «страстных» поклонников новизны о том, как часто «параллельно с ходом какого-либо великого дела возникают в умах представления о нем, нередко противоположные существу его». В адрес «Современника» прозвучал намек, все еще в корректной форме, на необразованность, непонимание сущностных законов истории, незнание основ эсте-

тики и предостережение против нигилизма, ведущего к анархии.

Программная цель – убедить читателя в преимуществах консервативного пути развития – реализовывалась в изданиях Каткова в форме философско-теологических рефлексий, регулярного комментирования социально-политических событий, публикации большого объема фактического материала (корреспонденций, писем непосредственных участников идущих реформ). Соответствовала главной цели и литературная политика «Русского вестника». Главной задачей было последовательное опровержение идеи классовой борьбы как движущей силы прогресса и доказательство необходимости нравственного совершенствования представителей всех сословий, объединения нации вокруг общего дела спасения и сохранения России. По мысли Каткова, главенство нравственных законов над государственными и общественными институтами и отношениями исторически обусловлено ролью национальной церкви в образовании и скреплении государства. В «Московских ведомостях» он писал: «В России есть национальная Церковь... она присутствовала при начале нашего исторического бытия, при рождении нашего государства. Как только можем мы запомнить себя, она уже светилась в нашей тьме и сопутствовала нам во всех превратностях исторической жизни. Она поддерживала и спасала нас; она проникала во все изгибы нашего существования и на все положила свое знамение. Все наши воспоминания связаны с ней, вся наша история исполнена ею... мы усвоили ее себе изначала и что она существует у нас как наше национальное учреждение» [11, с. 1]. Идея христианского равенства и братства, по его убеждению, дает прочные основания государству, поскольку в его представлении государство есть объединение разумных существ ради сохранения нравственных законов, выработанных веками и обеспечивающих служение отечеству. В этой же передовице утверждается: «Все подданные государства имеют право на доброжелательство государственной власти и покровительство законов, и чем менее полагается между лицами разницы, тем более обеспечивается свобода каждого, тем лучше. В этом состоит истинный прогресс политических обществ». Обращение к единому покровителю – «русскому Богу» – открывает

возможность преодоления отчуждения между народом и государством.

Разобщение сословий, разное понимание (или непонимание) нравственных законов, норм и ценностей за счет существования в государстве двух культур ведут, по убеждению Каткова, к подавлению энергии каждой отдельной личности и народа в целом. В статье «Причина скудости и бессилия русской народной жизни» Катков обозначает основную причину трудного хода реформ: «В чем заключается наше зло? Наше зло заключается в нашей апатии. У нас нет личной предприимчивости, нет частной инициативы, нет самостоятельно действующих общественных сил; все делается у нас общей безразличной правительственной силой». В «петербургских канцеляриях», заполненных людьми, оторванными от реального дела, получившими чуждое народным началам европейское образование, по убеждению Каткова, «образовалась привычка уничивать свой народ» (МВ. 1864. № 51. С. 1).

Выйдя из бюрократических кругов, не связанных непосредственно с производством и потому не имеющих ничего общего с народом и его заботами, дух отрицания стал, по мнению Каткова, основным содержанием и петербургской литературы, и петербургского журнализма. Катков выделяет основные тезисы: «Мы не видим у себя личной предприимчивости и частной инициативы, мы не видим у себя живого и плодотворного развития общественных сил. Как мало в нашем народе инстинктов свободы и самостоятельной деятельности! Как мало в нем условий живого и плодотворного движения! Как мы непроизводительны! Как поверхностно и ничтожно наше образование! Как шатки наши мнения!» (там же. С. 2). Катков доказывает, что причина этих явлений не в свойствах национального характера, они произошли «не из жизни», а «порождены господствующими у нас теориями и ведущейся согласно с этими теориями практикой» (там же. С. 2).

Общественные группы, которые должны были бы заниматься текущими задачами государственного строительства, по Каткову, становятся деструктивным началом. В статье «Страсть к поруганию и самоуничтожению» он доказывает, что они произво-

дят «дух недоверия к жизни, к нашим земским силам, к нашим народным свойствам», причем «эти же люди, что сгуют на скудость и бессилие нашей народной жизни, сами в то же время будут протестовать против того, что могло бы дать ей ход, возбудить и поднять ее» (МВ. 1863. № 214. С. 1). Дух отрицания реализуется в том, что «государство продолжает цепляться за отжившие формы управления». На этом основании Катков долгое время пытался убедить правительство в необходимости отмены крестьянской общины, ограничить власть бюрократии.

Резкой критике Каткова в передовицах «Московских ведомостей» подвергается антинациональная деятельность государства: «Нет надобности искать иных причин, кроме господствовавшей у нас правительственной практики, для объяснения тех зол, которыми народ наш страдает, и тех опасностей, которые в нашем государственном организме гнездятся» (МВ. 1867. № 101. С. 1). В статье «Причина скудости и бессилия русской народной жизни» он очень настойчиво призывает правительство: «У нас может быть то же, что у других народов, если мы сколько-нибудь освободим нашу жизнь от сковывающих ее теорий, если мы внесем в нее единственно плодотворное начало всякой деятельности, начало свободного соревнования сил, если мы каждой деятельности предоставим огражденное законом и обеспеченное развитие» (МВ. 1864. № 51. С. 1–2).

Отчетливо видя отчуждение власти и народа, чреватое противостоянием, Катков искал силу, способную, с одной стороны, противостоять извечно компрометирующей себя бюрократии, с другой – объединить массы пониманием социальных целей и объединиться с массами ради их достижения. Эта сила, по мысли Каткова, должна представлять интересы народа и отстаивать их перед властью. В свою очередь и правительству, в интересах сохранения «единого целого» государства, он настоятельно рекомендует «быть в непрерывном общении с жизнью и прислушиваться к суждениям с точки зрения своей страны» (МВ. 1886. № 341. С. 1).

Крупные землевладельцы, как считал Катков, имеют все возможности послужить народу. Сам Катков был сыном разночинца,

не питал иллюзий относительно благородства современного ему дворянства и к передаваемой из рода в род идее служения и чести не апеллировал. Он руководствовался соображениями экономического порядка и полагал, что крестьяне и помещики связаны общей, вполне реальной заботой об урожае и это общее дело может объединить их. Кроме того, крупные землевладельцы, как правило, материально обеспечены и независимы, образованны и лично заинтересованы в повышении эффективности своих хозяйств. «Русский вестник» писал: «Чем крупнее поземельная собственность, тем лучше положение на ней фермеров, ибо богатые магнаты легче могут обходиться и без повышения ренты и весьма часто не только сами производят многие улучшения, но и заботятся о положении фермеров» (РВ. 1870. № 7. С. 27). Редактор полагал, что крупные помещики имеют средства для внедрения новых технологий (в журнале постоянно публиковалась информация о новых способах обработки земли), им выгодно иметь грамотных (реформа народного образования постоянно была объектом внимания «Русского вестника»), здоровых и благополучных работников. Инструментом убеждения дворян служили материалы, присылаемые самими помещиками, демонстрирующие сложности перехода к новым формам труда (например, серии очерков А.А. Фета «Из деревни», печатавшихся в 1862–1864 годах) и одновременно наглядно разъясняющие роль дворянства как ведущего слоя в преобразовании страны. Часть сведений помещалась и в ежедневных «Московских ведомостях», а в газетных передовицах, имеющих агитационный смысл, Катков не устал эти сведения комментировать: «Ничто так не радует нас, как появляющиеся признаки дружелюбных отношений и солидарности интересов между крестьянами и дворянами-землевладельцами, несмотря на сословную организацию, которая еще разделяет их, несмотря на запутанные счета, которые они еще ведут между собой. Свобода и благосостояние крестьян может упрочиться лишь тогда, когда во главе своей будут видеть они людей независимых, достаточно сильных и достаточно просвещенных, тесно связанных с ними и составляющих с ними одно целое; точно так же благосостояние и значе-

ние землевладельческих классов могут основываться лишь на их непосредственной связи, на их единстве с народными массами» (МВ. 1864. № 51. С. 1–2). На этом основании он считал землевладельцев «естественными защитниками свободного сельского люда, представителями его интересов, надежными охранителями земского мира». Именно поэтому он считал необходимым сохранить дворянство как выработанный историей социально-политический институт: «Мы мало ценим, или, лучше сказать, мы мало понимаем те элементы политического благоустройства, которые выработала наша история. Мы смотрим по сторонам и не подозреваем, что у нас есть наготове условия гражданственности, благосостояния и общественной свободы, какие найдутся не у всякого народа» (МВ. 1864. № 51. С. 2).

Цель призывов Каткова к единению дворянства с народом заключалась не в сохранении status quo, а в изменении порядка вещей, при котором «единственной, почти исключительно действующей силой» в стране является бюрократия: «Бюрократия есть везде, но у нас бюрократия есть все; и направления, развивающиеся под влиянием этой силы и ею поддержанные, легко распространяются повсюду и овладевают всеми общественными понятиями. Дух, вышедший из этих сфер... прокрадывается даже туда, где раздается протест против бюрократии, и часто слышится даже в самом этом протесте» (МВ. 1863. № 214. С. 1). По мысли Каткова, не служащее, поместное дворянство могло бы вступить с народом в более тесное нравственное общение (в силу общности «практических дел») и приобрести способность выражать интересы народа, противостоя неверным действиям государства.

Но, для того чтобы стать ведущим слоем общества, дворянство, по мысли Каткова, должно осознать свою общественную роль, измениться нравственно, соединить свои запросы с запросами нации. В изданиях Каткова дворянство подвергалось критике не меньше, чем бюрократия, но критика была конструктивной: «Люди, принадлежащие к высшим классам, находятся в самых разнообразных положениях, представляют собой самые разнообразные элементы. Одни ничего не делают, другие служат, третьи живут среди народа и

составляют с ним одно целое. Одни фантазируют, сочиняют и вообще живут в понятиях, чуждых окружающей действительности, другие действуют на разных служебных поприщах, образуя свой особый мир. Но многие живут среди этой самой страны, одной жизнью с ней, принадлежат ей всеми своими интересами и могут служить надежными, верными и просвещенными органами ее желаний и потребностей. Число их будет возрастать в еще большей пропорции; все, что теперь ничего не делает или изнуряет себя в бесплодных фантазиях и в пустых отвлеченностях, будет присоединяться к ним по мере развития в нашем обществе практических интересов, по мере развития политической жизни в нашем Отечестве» (МВ. 1863. № 214. С. 1).

Говоря о нравственном совершенствовании, Катков имел в виду идею патриотического служения. Обращаясь к истории, он доказывает, что в России патриотизм раскрывал себя в периоды войн в форме защиты суверенитета, как «охранительная сила упора», отстаивающая свои «традиции». В послевоенное время патриотизм служит «обновлению общества и более самостоятельному развитию его нравственных сил» (МВ. 1864. № 246. С. 2). В мирной, повседневной жизни идея служения ослабевают, и Катков пытается отыскать средства для создания стратегической элиты, способной увлечь этой идеей массы. В статье «Какой принадлежим мы партии» он утверждает: «Россия выросла и окрепла не... интригой партий, а исполнением священного долга, связующим воедино все сословия народа» (РВ. 1862. № 2. С. 843).

Концепция консервативного развития Каткова, его этические и эстетические представления развивались в литературной критике «Русского вестника». В немногочисленных работах, посвященных литературной политике «Русского вестника»⁸, представлены «усилия журнала создать идейный и эстетический противовес демократической литературе» [3, с. 123], централизованной вокруг «Современника» Н.А. Некрасова и «Русского слова» Г.Е. Благовестлова, позже вокруг «Отечественных записок» и «Дела», прослежены этапы создания антинигилистического романа, уделено внимание дискредитации социологической критики демократических и либеральных изданий. Вопрос, каковы собственные

представления «Русского вестника» о движущих силах преобразования государства, о ментальности, специально не ставился, хотя он оставался центральным все годы существования журнала в связи с определением путей развития страны в пореформенный период.

Прежде всего, необходимо учитывать, что, считая союз монархии с крупным землевладением основой всех преобразований, журнал признавал процессы демократизации неизбежными. П.К. Щербальский в статье «Наш умственный пролетариат» писал: «Дух демократии носится и над Россией, это не местное явление, а всемирное, это результат исторического хода вещей, и с ним необходимо считаться» (РВ. 1872. № 7. С. 648). «Русский вестник» 1850–1860-х годов многое сделал для пропаганды идеи децентрализации государственного управления, подготовки земской и судебной реформ, исследования социально-экономических проблем, поставленных отменой крепостного права. Вопрос о вольнонаемном труде рассматривался в журнале с правовой, экономической и психологической точек зрения. С середины 1870-х годов теоретики и публицисты журнала начинают выступать против преобладания в земстве и судах «неразвитых и полуграмотных слоев населения», которое ведет к «дикой и слепой демократии».

Сотрудники журнала в 1870-х годах исходят из того, что нация в целом «нравственно не развита», ход реформ показал ее неготовность к новым формам труда и общественных отношений. В.Г. Авсеенко, ведущий критик «Русского вестника», в статье «Судьбы русского романа» определяет содержание переходного периода как время «нравственного брожения, когда толпа удаляется от выработанных тысячелетними культурами идеалов» (РВ. 1873. № 10. С. 778). Он выделяет черты, характеризующие состояние современного общества: доминирование «идеи общего, неопределенного протеста против русской действительности, отсутствие уважения к национальным учреждениям и нравам, неопределенная вражда к высшему (культурному) обществу, отсутствие твердых нравственных устоев и вместо них торжество реализма как тривиально-циничного отношения к жизни» (РВ. 1875. № 7. С. 421–422).

Художественные произведения для журнальной критики часто служили только поводом и материалом для постановки вопросов о социальной психологии «культурного слоя», полуобразованной массы («умственного пролетариата») и крестьянства. Выявляются общие для всех трех категорий черты: неумение самостоятельно мыслить, стремление примкнуть к какой-либо общности, поиски «руководящей силы». Опираясь на исторические произведения А.С. Пушкина, С.Т. Аксакова, П.И. Мельникова (А. Печерского) и В.В. Крестовского, Авсеенко выделяет самые мрачные картины «дикого разгула, необузданного произвола, страшной нравственной распушенности» (РВ. 1876. № 3. С. 379), характеризующая жизнь первого сословия государства, «культурного» слоя. При этом он доказывает, что прочность крепостного права в значительной степени зависела от характера русского народа, «от слабости его инстинктов личной независимости и самодеятельности, от недостаточного уважения к личности» (там же. С. 367). Постепенно распространение права, законности, гуманности привело, по мысли Авсеенко, «культурный слой» к реформам, освобождению от крепостного права. Критик считает естественным стремление «крошечного образованного меньшинства, созданного петровскими преобразованиями», которое чувствует себя «иностранный колонией в своей стране», сблизиться с народом. Но неумение самостоятельно мыслить приводит, по его убеждению, к новой нелепой остановке. Авсеенко настаивает на том, что европейски образованное меньшинство, вобрав в себя из народа все «жизненные и нравственные» начала, должно перерабатывать их в «горниле собственной культуры», предлагать «новые жизненные формы» (там же. С. 376). Вместо этого он отмечает в одной части общества желание терпеливо ждать, пока «стихийные силы» народа создадут «идеал деятельной личности», в другой – нигилизм: «Мы хотим как можно скорее вывести народ из неподвижности патриархального быта, провести по всем захолустьям железные дороги, ввести обязательное обучение и в то же время отрицаем культурный склад жизни» (там же. С. 373). Авсеенко доказывает, что реформы требуют «известной умственной самобытно-

сти», поскольку механическое «пересаживание» чуждой цивилизации к успехам гражданственности не приводит.

Не менее резкой по отношению к дворянству была позиция П.К. Щербальского. Рассматривая произведения И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, А.Ф. Писемского, В.В. Крестовского, он ставит вопрос о том, что представляет собой дворянское семейство. Его выводы повторяются: дворянство «обросло мхом», живет «растительной жизнью», не имеет твердых, осмысленных понятий. Родители не обладают интеллектуальным и нравственным авторитетом и не могут руководить умственными интересами молодежи. В гимназиях дети «не воспитываются, а только учатся», причем «не существует серьезного литературного образования, предмета, на котором сосредоточивалась бы деятельность учащегося, внимание дробится и рассеивается в калейдоскопе разнообразных дисциплин». В университетах преподаватели приходят на свою лекцию и «не желают знать, что читают ученики, о чем и как рассуждают, чего ищут в науке» (РВ. 1872. № 7. С. 642). Такое воспитание и образование, как считает Щербальский, и приводит молодежь к «наставникам» типа Базарова, Марка Волохова, Нечаева, Бакунина.

Не менее отрицательное воздействие, по мнению журнальных критиков, оказывает на полуобразованное общество петербургская журналистика. Доминирующим направлением литературно-критической политики «Русского вестника», начиная с 1868 года, стала полемика с социологической критикой «Отечественных записок», «Дела», «Вестника Европы». В центре внимания постоянно оставалась одна проблема – утрата нравственных ориентиров, нигилистическое отношение к достижениям цивилизации и ни на чем не основанное ожидание принципиально иного мира. Ф.И. Буслаев в статье «Задачи современной эстетической критики» объясняет популярность этих идей: «Нет доктрины более заманчивой как та, которая лелеет современное самолюбие и убеждает в возможности, даже в необходимости, отрешаться от всего прошедшего» (РВ. 1868. № 9. С. 279).

Буслаев выступает против сознательно-го тенденциозного подбора фактов и в публи-

цистике, и в художественной литературе демократических журналов. Он пишет, что принцип объективности выродился в рекомендацию «рабского подражания действительности», но при этом избираются только те сюжеты, в которых «проглядывает неурядица и безобразие современной жизни», с единственной целью «приучать к мысли о необходимости переворота во всех наших общественных и политических учреждениях» (РВ. 1868. № 9. С. 281). Важнейшим положением в теоретико-литературных представлениях самого Буслаева является полное признание закономерности тенденциозного подбора фактов и относительности любого, «самого объективного», подхода: «Художник следует какому-либо направлению и проводит его в своих произведениях. Он материалист или идеалист, человек положительный или мечтательный, верующий или неверующий, политик или философ, метафизик или психолог, либерал или консерватор. Направление не есть исключительная принадлежность нашего времени» (там же. С. 299). Он убежден в том, что процесс познания истины подразумевает столкновение разных взглядов: «Чем разнообразнее будут направления искусства, тем больше оно исчерпает действительность, тем более точек зрения изберет для наблюдения и тем более удовлетворит современной публике, с ее разнообразными убеждениями, направлениями и интересами» (там же. С. 301).

Только гений, по убеждению Буслаева, способен отозваться на все интересы современников и стать выше направлений, понять жизнь в неисчерпаемой полноте. Искусство «среднее» представляет собой сумму различных направлений: «Она не только терпима, но необходима, потому что дает возможность по частям разобрать одну великую задачу – всестороннее познание человеческой жизни» (там же. С. 302). Задача критики – уметь разбираться в направлениях и указывать на односторонность того или иного подхода.

Это положение развивал и П.К. Щербальский. В рецензии на книгу Д.Л. Мордовцева «Политические движения русского народа» (РВ. 1870. № 9), рассуждая об объективности исследования истории или современности, он утверждает, что субъективность неизбеж-

на и существует только стремление к объективности. Щербальский учитывает интерпретативность мышления и относительность познания истины. Выработать точку зрения, позволяющую «не извращать фантастически факты», по убеждению критика, можно только при очень высоком уровне образования и сознательном всестороннем изучении любого явления. Кроме этого, необходима установка на бесконечный поиск истины. Если же литература, «взяв на себя роль гувернера», ставит целью пропаганду определенного набора прогрессивных идей, то возможен только «тенденциозный подбор» фактов для их доказательства, исключая творческое освоение действительности.

Характерно, что, пропагандируя идею консервативного развития, «постепенность», «терпение», теорию «малых дел», которая складывалась в изданиях Каткова под его руководством, Щербальский опирается на «Письма к старому товарищу» А.И. Герцена. Подробно разбирая и цитируя это произведение в статье «Лучше поздно, чем никогда», критик «Русского вестника» находит в нем единомышленника в борьбе с «деспотизмом доктрины революционизма, не допускающей возражений» (РВ. 1872. № 7–8. С. 659). Положениями работы Герцена он подкрепляет теорию журнала, что народ должен руководствоваться силами наиболее «культурного», образованного слоя. Утверждая не только реформаторскую, но и «хранительную» власть «разума и понимания», он цитирует Герцена: «Народное сознание представляет естественное, само собой сложившееся, безответственное, сырое произведение разных усилий, попыток, событий, удач и неудач людского сознания, разных инстинктов и столкновений, его надо признавать за естественный факт и бороться с ним, изучая его, овладевая им и направляя его же средства сообразно нашей цели» (там же. С. 662).

Причину нравственного кризиса и, как следствие, кризиса всей системы государства Авсеенко также усматривает в недостатке образования, «неразвитости сознания». Это «всеобщее зло, пронизывающее все сословия», по его мнению, стоит на пути свободного индивидуального поиска новых форм жизни. По мысли критика, простор для анализа от-

крывает усвоение выработанных веками цивилизации идей и ценностей. Личность необразованная всегда стремится отказаться от самостоятельности, примкнуть к какой-либо общности. Катков еще в начале 1860-х годов экономически обосновывал необходимость отмены крестьянской общины, видя в ней тормоз для развития сельского хозяйства. Литературный критик анализирует стойкость патриархальных устоев с психологической точки зрения: «Русская община, это народное учреждение, обязана своим происхождением прежде всего слабости личных, индивидуальных инстинктов в русском крестьянине; ему нужна эта собирательная общинная личность, потому что он сознает слабость и бездеятельность своей единичной личности» (РВ. 1876. № 3. С. 367).

Отсутствие внутренней нравственной силы, «уважения к личности и даже понимания личности», кроме того, приводит, по убеждению Авсеенко, к слепому поклонению любому сильному характеру. В этом он видит почву для развития самого дикого деспотизма и произвола. Анализируя рассказы П.И. Мельникова «Старые годы» и «Красильниковы», он обращает внимание на восхищение крепостных своим самодуром-хозяином. Для доказательства критик привлекает и фольклорные произведения.

Последствиями рабства, начавшегося нашествием татаро-монголов, Авсеенко считает варварскую склонность ко всем формам «тиранства», существующую в простом народе: «Как скоро выделяется из народа деятельная и энергичная личность, индивидуальность является в непривлекательной форме мироеда, кулака или самодура» (РВ. 1874. № 1. С. 372). На эту же особенность национального характера обращает внимание и Буслаев в статье «Новые иллюстрированные издания». Он отмечает закономерность: едва крестьянин получает экономическую независимость, становится «зажиточным», он тут же видит себя «царем на престоле в своем запечном государстве, в нем проявляются все темные элементы национального характера, из которых на более широком поприще слагались на русской почве роковые личности вроде Ивана Грозного» (РВ. 1869. № 8. С. 763). Подобным стихийным деспотам в журнале проти-

вопоставляются сильные личности, прошедшие через «горнило просвещения» – М.В. Ломоносов и А.В. Кольцов. Но Авсеенко считает, что подобные фигуры представляют собой исключение из общего правила: пройдя через школу, эти личности уже жили жизнью образованных классов и оторвались от стихийной массы.

Однако стремление личности к растворению себя в массе как черта национального характера получает в критике Авсеенко и другое объяснение. В крепости раскольниковских скитов и общин он видит внутреннее стремление русского человека к жизни «по уставу и укладу», способному обуздать дикие стихийные черты, которые простолюдин ощущает в себе и подсознательно с ними борется. В изучении раскола Авсеенко полагается на объективность «художественного исследования» П.И. Мельникова.

Согласно своеобразной теории художественного познания, которая постепенно складывалась в его работах, критик выдвигает тезис об «объективно-художественном» типе творчества, отличного от двух других: «сознательно-субъективного» и документального. Для понимания раскола как социального явления, по мнению критика, недостаточно научных исследований, необходимо именно «художественное», «целостное прозрение». Понятие «целостности» художественного творчества приобретает в его статьях несколько значений: 1) художественное мышление представляется ему как образное видение жизни в целом; 2) произведения он воспринимает как сплав объективного и субъективного содержания (нередко термин «субъективность» заменяется понятием «творческая индивидуальность»); 3) нравственная ценность произведения ставится в прямую зависимость от «целостной полноты созданной картины», способности автора оценивать действительность с общечеловеческих позиций.

П.И. Мельникову, как считает Авсеенко, удалось понять, что «древнее благочестие», которое держится в северных областях, не имеет под собой религиозной почвы, а является «культом старины в обширном общем смысле» (РВ. 1874. № 1. С. 364). В основе уважения народа к настоятелям монастырей не их «ревность в вере», а дельная, практи-

ческая деловитость и хозяйственность, которую так «ценит русский простолюдник» (РВ. 1874. № 1. С. 363). Так выделяется еще одна народная черта – стремление сохранить традиционный упорядоченный быт: «Велика потребность в народе строгого житейского уклада, который, за отсутствием регуляторов более духовного, нравственного порядка, служил бы уздой простым и грубым натурам» (там же. С. 375). Сложность исторического момента критик видит в том, что предания старого жизненного строя не могут более служить руководящим началом для народа. Важнейшим условием развития страны Авсеенко считает «необходимость выработать стремление к личной самобытности и активной энергии» и предлагает путь для преобразования нации: «Народу необходимо передать здоровые элементы европейской культуры» (РВ. 1876. № 3. С. 387). Таким образом, Авсеенко, в сущности, дополнительно обосновывал педагогические идеи⁹, которые неуклонно внедрял в общественное сознание Катков. Редактор «Русского вестника» выдвигал программу реформирования системы образования, ставя целью создать интеллектуальную элиту, способную ответственно служить развитию и укреплению страны и увлечь своей деятельностью все население.

Трудности хода реформ, активизация революционного движения вносили поправки в теорию консервативного развития Каткова. Наряду с резкими возражениями против суждений о психологической неготовности народа к реформам¹⁰, в его статьях звучали постоянные призывы к нравственному преобразению, неоднократно им предпринимался анализ причин нравственного кризиса¹¹. Практика противодействия разлагающему нигилизму и анархизму заставляла его обращаться к понятию «нация», к проблемам многонационального государства, к исследованию ментальных особенностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Политика изданий М.Н. Каткова в работах советских исследователей охарактеризована как реакционно-монархическая (см., например: [7; 8; 35]). В постперестроечные годы эта точка зрения была пересмотрена и журнал более объективно охарактеризован (см., например: [28; 30; 32]).

² Как установил С.В. Лебедев, издания Каткова за критику правительства постоянно преследовались цензурой, он никогда не был официальным пропагандистом правительственного курса: «Один из биографов Каткова справедливо заметил, что он «в сущности, был самым ярким представителем оппозиции, и не было почти случая, когда он был вполне доволен Петербургом, как еще реже, мы думаем, были случаи, когда Катковым были довольны в Петербурге» (см. об этом: [28, с. 52]). Это положение подтверждается при изучении материалов изданий.

³ В статье «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» он писал, что «всякого рода отрицательные меры против этих отрицательных явлений» напрасны и вредны. Он полагал противопоставить силе «отрицания» силу «положительных интересов» (см. об этом: [14]).

⁴ Газета «Московские ведомости» взята М.Н. Катковым и П.М. Леонтьевым в аренду в 1863 году.

⁵ Подробный анализ статей Н.Г. Чернышевского о Пушкине представлен в работах: [4; 5; 9; 10; 26; 29; 33; 34 и др.]. Позже в работах И.В. Кондакова «антипушкинский нигилизм» рассматривался как показатель «контркультурного» значения демократических устремлений русской критики, направленных «на расширение влияния литературы в массах в ущерб ее ценностно-смысловому росту» (см.: [23; 24; 25]).

⁶ Об этом см., например: [20].

⁷ См. об этом статьи М.Н. Каткова: [13; 15; 17; 18].

⁸ См. об этом: [1; 2; 3].

⁹ См. об этом: [6].

¹⁰ См. об этом его статьи: [12; 19].

¹¹ См. об этом его статьи: [14; 20; 21; 22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайнцева, Э. Г. В. Г. Авсеенко и «Русский вестник» 1870-х гг. / Э. Г. Гайнцева // Рус. лит. – 1989. – № 2. – С. 70–84.

2. Гайнцева, Э. Г. Вопрос о литературной критике и литературно-критических жанрах в редакционной политике «Русского вестника» конца 1860–1870-х гг. / Э. Г. Гайнцева // Проблемы жанров в русской литературе. – М. : Наука, 1980. – С. 30–45.

3. Гайнцева, Э. Г. И. С. Тургенев и «Молодая плеяда» писателей «Русского вестника» 1870 – начала 1880-х годов / Э. Г. Гайнцева // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. – Л. : Наука, 1990. – С. 122–150.

4. Гаркави, А. М. Чернышевский и Добролюбов о «лишних людях» / А. М. Гаркави // Н. Г. Чернышевский : ст., исслед. и материалы. – Саратов : Саратов. гос. ун-т, 1975. – Вып. 7. – С. 27–48.

5. Егоров, Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов / Б. Ф. Егоров. – СПб. : Искусство, 1991. – 336 с.
6. Едошина, И. А. Катков о просвещении в России / И. А. Едошина // Литературоведч. журнал. – М. : Изд. центр ИНИОН РАН, 2013. – № 32. – С. 93–107.
7. Есин, Б. И. История русской журналистики 19 века / Б. И. Есин. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 287 с.
8. Есин, Б. И. Русская дореволюционная газета / Б. И. Есин. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1978. – 123 с.
9. Зельдович, М. Г. Статьи Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов / М. Г. Зельдович // Н. Г. Чернышевский : ст., исслед. и материалы. – Саратов : Сарат. гос. ун-т, 1965. – Вып. 4. – С. 50–74.
10. Ильин, В. В. Писарев и Пушкин / В. В. Ильин. – Смоленск : Смол. гос. ун-т, 1972. – 312 с.
11. Катков, М. Н. В России есть национальная Церковь / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1867. – № 101. – С. 1–2.
12. Катков, М. Н. Кое-что о прогрессе / М. Н. Катков // Рус. вестник. – 1861. – № 10. – С. 107–127.
13. Катков, М. Н. Наша конституция и наши политические обязанности / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1886. – № 341. – С. 1–2.
14. Катков, М. Н. О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева / М. Н. Катков // Рус. вестник. – 1862. – Т. 40, № 7. – С. 402–426.
15. Катков, М. Н. Причина скудости и бессилия русской народной жизни / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1864. – № 51. – С. 1–2.
16. Катков, М. Н. Пушкин / М. Н. Катков // Рус. вестник. – 1856. – № 1. – С. 96–117.
17. Катков, М. Н. Самодержавие царя и единство Руси / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1863. – № 79. – С. 1–2.
18. Катков, М. Н. Средства и способы тайных врагов России / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1865. – № 22. – С. 1–2.
19. Катков, М. Н. Страсть к поруганию и самоуничтожению / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1863. – № 214. – С. 1–2.
20. Катков, М. Н. Цельность и однородность русского государства / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1864. – № 246. – С. 1–2.
21. Катков, М. Н. Цельность и однородность русского государства / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1864. – № 252. – С. 1–2.
22. Катков, М. Н. Цельность и однородность русского государства / М. Н. Катков // Моск. ведомости. – 1864. – № 254. – С. 1–2.
23. Кондаков, И. В. Покушение на литературу (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре) / И. В. Кондаков // Вопр. лит. – 1992. – № 2. – С. 75–127.
24. Кондаков, И. В. «Потерянный рай» русской литературы / И. В. Кондаков // Пути и миражи русской культуры. – СПб. : Северо-Запад, 1994. – С. 191–221.
25. Кондаков, И. В. «Раздвоение единого» (Две линии в развитии русской культуры) / И. В. Кондаков // Вопр. лит. – 1991. – № 7. – С. 64–80.
26. Конкин, С. С. Пушкин в критике Писарева / С. С. Конкин // Рус. лит. – 1972. – № 4. – С. 50–74.
27. Лебедев, С. В. Охранители истинно русских начал: идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века / С. В. Лебедев. – СПб. : Нестор, 2004. – 223 с.
28. Лебедев, С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения / С. В. Лебедев. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2007. – С. 50–69.
29. Макаровская, Г. В. Пушкин в оценке Чернышевского / Г. В. Макаровская // Н. Г. Чернышевский : ст., исслед. и материалы. – Саратов : Сарат. гос. ун-т, 1978. – Вып. 8. – С. 50–111.
30. Макушин, Л. М. «Департамент Каткова»: идеология и технология / Л. М. Макушин // Акценты. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. – Вып. 1–2. – С. 37–45.
31. Макушин, Л. М. Катков М. Н. и «Русский вестник» в 1856–1862 годах: от либерализма к охранительству / Л. М. Макушин // Акценты. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – Вып. 5–6. – С. 70–77.
32. Макушин, Л. М. «Московские ведомости» М. Н. Каткова: pro и contra / Л. М. Макушин // Акценты. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. – Вып. 5–6. – С. 58–67.
33. Попов, И. В. К вопросу об отношении Чернышевского к Пушкину / И. В. Попов // Н. Г. Чернышевский : ст., исслед. и материалы. – Саратов : Сарат. гос. ун-т, 1987. – Вып. 10. – С. 26–42.
34. Рунт, М. И. Проблемы художественности в суждениях Н. Г. Чернышевского о Пушкине / М. И. Рунт // Русская критика и историко-литературный процесс. – Куйбышев : Пед. ин-т им. Куйбышева, 1983. – С. 76–96.
35. Твардовская, В. А. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания) / В. А. Твардовская. – М. : Наука, 1978. – 142 с.

**FORMS OF PROMOTING THE IDEA OF CONSERVATIVE DEVELOPMENT
IN THE JOURNAL “RUSSIAN COURIER” (“RUSSKY VESTNIK”)**

T.V. Nazarova

The article analyses essays and literary critiques written by the editor of the journal “Russian Courier” M.N. Katkov and a number of his colleagues. The journal’s political trend is defined more precisely. Forms of promoting the idea of conservative development in the journal’s literary critiques are shown.

***Key words:** conservatism, reforms, the role of the nobility, the relationship between the authorities and the people, mentality.*